

Рустам Шукуров
кандидат исторических наук

МУСУЛЬМАНСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Возможна ли модернизация в мусульманском обществе? Не является ли модернизация противной самой сущности ислама как культурного феномена. Для профессионального исламоведа такого рода вопросы представляются скорее риторическими. Сам ислам в эпоху своего зарождения явился некой формой «модернизации» наличной монотеистической традиции. Ислам был ответом на поиски компромисса между радикальным (однако национально ограниченным) монотеизмом иудаизма и универсалистским (однако «разбавленным» индоевропейской традицией) монотеизмом христианства. Эти поиски явились стержневым моментом в духовной жизни Ближнего Востока как в христианской, так и в иудейской среде. Ислам продолжил последовательную монотеистическую линию иудеев, но в отличие от них признал универсалистскую проповедь Христа.

Не будем углубляться в довольно специальную тему тех инноваций, которые ислам привнес в монотеистическое движение. Однако хотелось бы указать на одну из них, возможно, самую показательную в контексте обсуждаемых проблем. Ислам лежит у истоков современной концепции веротерпимости, вошедшей как неотъемлемая часть в стратегии современных «демократий» западной типа. Именно исламская концепция Авраама, как прародителя монотеизма как такового, и идея авраамических религий, породили ту *сознательную* и *добровольную* мусульманства терпимость, которая

была беспрецедентна для средневековья, а сейчас превратилась в расхожую модель.

Другой аспект проблемы: нельзя рассматривать мусульманство как нечто косное, пронесшее свой «нерукотворный» облик в полной неизменности через полуторатысячелетнюю историю, наполненную кардинальными изменениями мира и человека. Ислам, как вероучение, — неизменен, божественная истина, сформулированная в нем — по определению не может быть отменена или отредактирована человеком. Однако, Ислам, как культурное, социальное, экономическое и т. д., воплощение предвечной истины в материальном и временном мире может и даже должно изменяться, находя адекватный ответ тем вызовам, которые приносит с собой поток времени. Эти изменения (читай «модернизация») «плоти» ислама как раз и призваны сохранить в нетронутости его духовный стержень. Попытки радикалов, так называемых «фундаменталистов», оставить в неизменности «плоть ислама, забальзамировать ее отмирающие части, как и демонстрирует всю опасность противодействия насущным потребностям, выдвинутым временным потоком. Сохраняя забальзамированную плоть, радикалы искажают саму предвечную истину: мусульманская терпимость превращается в горячую нетерпимость, миролюбие — в пропаганду войны, заряженность на просвещенческую креативную деятельность — в фанатическую интеллектуальную ограниченность и т. д. Сказанное прекрасно понимали мусульмане средневековья — никогда исламское общество не оставалось внешне неизменным, новые века, новые государственные образования вносили свои инновации.

Если обратиться к частному случаю модернизации мусульманского общества в России, то здесь хотелось бы обратить внимание на ряд печальных обстоятельств явно делающие эти перспективы не столь радужными по крайней мере для ближайшего будущего. Причем, из того, что будет сказано, многое применимо и к судьбам других конфессий на территории бывшего СССР.

Еще в начале XX столетия наиболее прозорливые умы однозначно предсказывали и предостерегали о грядущей в Российской империи *духовной* катастрофе: Бердяевское «Новое средневековье», «Грядущий хам» Мережковского. Суммируя суть этих предостережений и развивая их: нравственный принцип лежит в плоскости иррациональной. Рациональная плоскость отрицает нравственный принцип, ибо нравственный императив не может быть выведен логически, как причинно-следственная связь. Логичнее быть плохим, но опыт человечества показал, что плохому совершенно иррациональным образом в конце концов становится плохо.

Это-то подтверждает и опыт атеистического философствования XIX в. и атеистический опыт советской системы. В ней осуществлена программа, предложенная чертом Ивану Карамазову: «Надо разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело. Раз человечество отречется поголовно от Бога, то наступит все новое». Но в советской практике все оказалось много проще и сложнее, программа озвученная еще Достоевским провалилась. Человек не может существовать в нравственной пустоте.

Основным итогом пребывания мусульманских народов в составе СССР явилась их практически полная и повсеместная деисламизация и потеря нравственных ориентиров. Нравственная варваризация и нарастание культурного вакуума достигло своего апогея как раз к эпохе перестройки. К 80-м гг. будто бы душа уже покинула тело пост-мусульманской культуры, а тело продолжало свое посмертное бытие.

Потому с развалом СССР и крахом коммунистической идеи мусульманская община претерпела вторичную исламизацию. По существу, мусульмане бывшего СССР возвратились в ситуацию VII в. — языческое общество без каких-либо систематических и сколько-нибудь глубоких представлений о Божестве, о Нумене. И там и тут — языческое общество в предчувствии лучшего, в поисках истины, универсального нравственного закона.

В Коране есть чрезвычайно красивый, мистически насыщенный и тематически уникальный сюжет (он не встречается ни в иудейской, ни в христи-

анской традициях). Еще до самого акта сотворения Адама, когда у Бога был только замысел Адама, Бог ставит пред собой потенциального Адама и извлекает из его семени потенциальных его потомков и вопрошает «Не Я ли ваш Господь?» (*Alastu birabbikum*), и еще не родившееся в материальности, в этой жизни человечество свидетельствует: «Да?», признает Бога своим Господом.

Это архетипическое религиозное чувство, интуитивная тяга к нравственности присутствует в людях. Они интуитивно ищут истину, религию, нравственность, интуитивно стремятся заполнить образовавшийся вакуум в душах.

Но религия — это не только вера, которую можно обрести мгновенно, но и знание, которое накапливается веками.

И если мусульмане бывшего СССР, бывшие мусульмане, новые мусульмане обрели веру, им явно не хватает глубинного религиозного знания, то есть опыта жизни с религией и в религии. Это по преимуществу неопиты, наполненные романтически-подростковым отношением к религии и к миру. Это подростковое сознание характеризуется максимализмом и примитивизмом в видении мира.

Три взаимосвязанных искушения связаны с возвращением бывших мусульман в лоно утерянной религии:

1. Экстремизм, как подростковое пороговое сознание. Это то, что сейчас часто называют мусульманским фундаментализмом. В экстремисте, как в подростке, сидит опасное ожидание чуда: стоит сделать то-то и то-то и все изменится, все будут счастливы. Как и подросток, он мало знает и не сомневается в том, что удалось узнать.

И действительно, мы видим религиозный экстремизм, в частности, в России, достаточно влиятелен. Это и мусульманский радикализм Чечни, как бы примитивен и ошибочен он ни был; это радикальные исламские группы в других районах России (Набережные Челны), в Средней Азии (сторонники

талибов в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане), муджахиды Джумы Намгани.

2. Изоляционизм и эскапизм: то же незрелое подростковое сознание, я один в мире, мир мне враждебен. Это, конечно, заблуждение, но нужно время, чтобы это осознать, чтобы осознать ценность того многообразия мира, в частности, и в сфере религиозной, которыми Бог наделил этот мир. Если бы Бог захотел, все люди принадлежали бы к одной религии.

Ислам, как, вероятно, и православие, переживает сейчас «катакомбный период», который соответствует Мекканскому периоду мусульманской проповеди, когда Пророк и его последователи попали в глухую изоляцию, отчасти по собственной воле, и были выключены из социума. «Нет правды в социальном порядке» — девиз как мусульманских так и христианских изоляционистов. Мусульманство сейчас (я не беру явный официоз) — это как правило подполье. Не обязательно экстремистское и опасное, нет. Это может быть круг близких друзей-единомышленников, которые что-то себе обсуждают. Есть правда и более опасные примеры — тайное общество «Ахли Тахрир» в Средней Азии, которое имеет политические цели, которые оно собирается решать вне политического поля. То есть чистые катакомбы.

По социологическим опросам, те которые идентифицируют себя мусульманами в Татарстане и Башкирии, не ассоциируют себя с российской государственностью. Это вопиющий, но вполне объяснимый факт — это катакомбное сознание, «Нет правды во внешнем мире».

3. Может быть наиболее опасное: ныне на мусульманских пространствах бывшего СССР наблюдаются неосознанные, а потому и несанкционированные инновации с непредсказуемыми последствиями. В мусульманстве заметны явственные тенденции к неосознанной «вестернизации», меняющей саму суть мусульманской религиозности. Привилегия мусульманина — он обращается к Богу напрямую, без посредников. Именно поэтому в исламе нет священничества, которое явилось бы медиатором между человеком и Богом. Эта привилегия ныне поставлена под сомнение. Образовалось некое подобие

«мусульманского духовенства», которое активно отделяет себя от остальных членов общины. Это отделение выражается во многих вещах — в области социальной (муллы единственные носители религиозного знания), и во внешнем (они одеваются «по-особому», «не так как все», что является знаком их статуса). Очевидно, что это влияние христианской традиции, шире — того мировоззрения, которое развивалось на базе христианского.

Необходим долгий период катехизации, объяснения азбучных истин в среде мусульман.

Мусульманская идентификация только складывается. Пока что по моделям довольно архаичным и примитивным. Но альтернативы этому нет, мусульмане рано или поздно станут истинными мусульманами — как раз об этом говорит исторический опыт. Современный мир, это мир торжествующего Единобожия и людям нет другого пути как влиться в него.

ЗаклЮчить я хотел бы футурологической экспертизой Дмитрия Сергеевича Мережковского: «Хама грядущего победит лишь Грядущий Христос». Хам уже давно пришел, остается надеяться на духовное перерождение, которое предвидел Мережковский.